Исследовательская работа по географии на тему: «Великие имена в истории Симбирского края. Н. М. Языков.»

Выполнили
учащиеся 8 «А» класса
МОУ СОШ № 74
Ямщиков Константин,
Мамонтов Андрей,
Абрамов Вадим,
Лебедев Андрей,
Шарков Артём.

Содержание

I. **Вступление.** **3**

II. Основная часть.

1. Симбирские истоки 4
2. Родовой герб 5
3. Образование, любовь к литературе 6
4. Жизнь в Дерпте 7
5. Два главных периода в жизни и творчестве 8
6. О месте и роли Языкова в литературном движении своего времени 9
7. Декабристская лирика 11
8. Любовные стихотворения Языкова 13
9. Языковские дружеские послания 14
10. Второй период творчества 17
11. Ливонская тема 18
12. Москва 19
13. Закат творчества 22
14. Славянофилы и "западники" 23

III. **Заключение.** **25**

IV. **Библиография.** **26**

V. **Приложение.** **27**

Вступление

«Имя Языкова навсегда принадлежит
русской литературе».
В. Г. Белинский.

Шестнадцатого марта 2008 года исполнилось 205 лет со дня рождения нашего замечательного земляка, одного из крупнейших поэтов-лириков пушкинской поры Николая Михайловича Языкова.

Память о нем чтится в нашем городе. Достаточно сказать, что в фамильном двухэтажном особняке Языковых на бывшей Спасской (ныне Советская, 22) улице создан литературный музей «Дом Языковых».

В своей исследовательской работе мы хотели рассказать о сложном жизненном и творческом пути крупнейшего поэта первой половины девятнадцатого века, талант которого высоко ценили А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь и многие другие представители золотого века русской литературы.

Основная часть

Симбирские истоки

Николай Михайлович Языков (Стр. 27, рис. 1) родился в Симбирске 4 марта 1803 года в состоятельной дворянской семье. Отец, Михаил Петрович, происходил из старинного рода, основатель которого Енгулей – Мирза – Язык, покинув в 1387 году Золотую Орду, явился к великому князю Дмитрию Донскому, при его содействии принял крещение и получил имя Алексея. От него пошло одиннадцать ветвей будущих дворян Языковых, расселившихся в Псковской, Костромской, Владимирской, Новгородской, Орловской, Тульской, Харьковской, Херсонской и других губерниях.

Симбирские Языковы – седьмая ветвь рода – стали обосновываться в средневолжском крае в 1680-х годах, когда Василию Александровичу Языкову и его сыну Лаврентию, уже совершенно обрусевшим «государевым слугам», были пожалованы земли в недавно образованном Симбирском уезде. (Стр. 27, рис.2) Василия Языкова следует считать основателем родового села Языково (стр. 28, рис. 3), в 17-19 веках оно именовалось и как Богородское.

При Петре Васильевиче Языкове в 1773 году случился большой пожар, истребивший 60 крестьянских дворов, господскую усадьбу и деревянную церковь. В следующем году, в разгар крестьянской войны под водительством Емельяна Пугачева, родился Михаил Петрович, отец поэта.

Само тогдашнее приграничное положение поместья (вблизи Симбирско–Карсунской засечной черты, возведенной в 1640-х годах под руководством боярина Богдана Хитрово) во многом предопределяло обязательное служение Языковых Отечеству на ратном поприще.

Родовой герб

В начале 1797 года, когда вышел указ Павла I о составлении в России «Общего дворянских родов гербовника», обязывавшего дворян представить в Департамент герольдии свои родословные и описания гербов.

Патриотическая традиция нашла отражение в родовом гербе Языковых: «В щите, имеющем серебряное поле, на правой стороне изображен воин в латах и в шишаке, украшенном перьями, поражавший копьем крылатого змея; а в левом верхнем углу видна выходящая из облака рука, пускающая стрелу из натянутого лука. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите серебряный, подложенный голубым». (Стр. 28, рис.4).

Образование, любовь к литературе

Оба старших брата Языкова, Петр Михайлович и Александр Михайлович, учились в Горном кадетском корпусе (стр. 29, рис. 5), считавшемся одним из лучших учебных заведений в России. Туда же был отдан в 1814 году одиннадцатилетний Языков. Через пять лет, не окончив курса, он перешел в Институт корпуса инженеров путей сообщения, пробыл там год и был исключен за непосещение занятий. Математические науки и казенный дух заведения тяготили Языкова, вкусы и наклонности которого к этому времени уже успели определиться.

Еще в Горном корпусе Языков, по-видимому, поверил в свое поэтическое дарование. Этому способствовали и литературные знакомства старших братьев, и непосредственное окружение Языкова в корпусе. Особая роль тут принадлежала преподавателю А.Д. Маркову, который занимался с Языковым приватно русским языком и, первым предузнав в нем поэта, поощрял его к поэтическим занятиям. Марков привил Языкову вкус к поэзии XVII века, в частности - к Ломоносову и Державину. Ему, должно быть, Языков обязан и пробуждением интереса к русской истории, существенного для его поэзии и формирования общественных взглядов.

Среди корпусных соучеников Языкова многие писали стихи, а иные даже печатались в журналах (А.Н. Кулибин, А.Бальдауф). Молодые поэты обменивались стихотворными посланиями, были друг для друга ценителями и критиками. Например, первое опубликованное стихотворение Языкова было посвящено Кулибину.

Исключенный из института, Языков некоторое время провел на родине, в Симбирске, но весной 1821 года, по настоянию братьев, он возвращается в Петербург с намереньем продолжить образование - уже в университете. Однако в 1821 году в Петербургском университете, с приходом на должность попечителя известного реакционера Рунича, начались преследования либеральной профессуры. Поэтому на семейном совете было решено, что Языкову лучше поступить в Дерптский университет, славившийся своими научными силами и сохранявший некоторые привилегии и вольности. Осенью 1822 года Языков отправляется в Дерпт, ныне Тарту, и весной следующего года, усовершенствовавшись в немецком языке, поступает на философский факультет.

Жизнь в Дерпте

Последний год, проведенный в Петербурге, утвердил Языкова в намерении стать поэтом. "Большая часть времени" его проходит, как он признается он брату, "в сочинении стихов". "Важнейшее и почти единственное удовольствие его в Петербурге" составлял в этот год театр. В это же время он увлекается Байроном.

Переехав в Дерпт, Языков не только не утратил свои связи с литературной средой, но еще более расширил и укрепил их. По совету А.Ф. Войекова, жившего в то время в Дерпте, он поселился у секретаря Дерптского уездного суда, известного переводчика русских поэтов на немецкий язык Фон Дер Борга , и почти сразу принялся помогать ему в работе, выбирая для переводов все наиболее примечательное в русской литературе.

Ловкий и предприимчивый издатель и известный поэт, почувствовавший в молодом поэте незаурядный талант, Войеков оказывал Языкову всяческое внимание. Имея в виду нужды своего журнала ("Новости литературы") и не желая терять из виду Языкова, он рекомендовал его своим знакомым и родным.

Здесь, в Дерпте, Языков познакомился с А.А. Войековой (племянницей Жуковского), увлечение которой оставило заметный след в его жизни. Она оказала на поэзию Языкова самое благотворное влияние: заставляла относиться с уважением к своему призванию, побуждала писать стихи и была их строгим и разборчивым ценителем.

Несмотря на рассеянный образ жизни и активную творческую деятельность, Языков приобрел в эти годы солидные познания в области русской и мировой истории, овладел в совершенстве немецким языком, открывшим ему путь к немецкой литературе; небезуспешно занимался он латинским и греческим языками, статистикой, государственным правом и даже политической экономией.

Читал Языков в это время очень много, и по-русски, и по-немецки, увлекался Шекспиром, Кернером, Тиком, Кальдероном, с интересом относился к творчеству Пушкина, Крылова, увлекался Карамзиным, как автором "Истории государства Российского", очень много и серьезно занимался историей.

Правда, уехал Языков из Дерпта "свободно-бездипломным", так как не решился держать экзамен за университет, но дело было вовсе не в недостатке познаний. По его словам, он не хотел терять времени, добиваясь чего-то, что ему не нужно, так как чувствовал себя "способным существовать для одной поэзии и одной поэзией".

Два главных периода в жизни и творчестве

В творчестве Языкова легко выделить два периода. Первый - дерптский - охватывает 1820-е годы и завершается примерно 1833 годом, выходом первого сборника стихотворений поэта. Второй - московский и заграничный - тянется с 1834 по 1846 год.

Конечно, это деление условно, однако конец 1820-х - начало 1830-х действительно явились в поэзии Языкова своего рода высшей точкой подъема и одновременно отправным пунктом его движения в другом направлении. В эти годы по общественным и политическим взглядам Языкова можно сблизить с декабристами. Хотя его и нельзя назвать оным. Крайне расплывчаты были его идеалы, его вольнолюбие не было особенно стойким и серьезным. Однако искреннее возмущение, отвращение к гнету и тирании побудили Языкова создать в период с 1823 по 1826 год произведения, что называется, революционного характера.

Поэтическая индивидуальность Языкова сформировалась в 1823 года. Это было время общественного подъема, предшествовавшего восстанию 1825 года, а в литературе - ожесточенных споров о направлении русской поэзии и первых побед романтизма.

Большинство из дошедших до нас ранних стихотворений Языкова явно несамостоятельны, однако ими он сразу заявил о своей приверженности романтизму.

Послания Языкова к Кулибину, Очкину, брату ("Столицы мирный житель") и даже стихотворение 1823 года "Мое уединение" с их характерными темами (невзгоды судьбы, утешения любви и дружбы, сладость уединенной жизни и воспоминаний) были типичными для того времени подражаниями Жуковскому и Батюшкову. И в этих первых стихотворения еще нет ничего собственно языковского, это лишь первые романтические опыты и не более.

Только в "Песне короля Регнера", "Моей родине" и посвящении брату А.М. Языкову ("Тебе, который с юных дней..."), написанных в конце 1822 года, обнаруживается талант молодого поэта, время от времени возникают характерные для него в будущем мотивы и поэтические интонации, привлекши впоследствии внимание Дельвига, а вскоре после него и Пушкина.

В 1820-е годы Языков одним из первых среди декабристских поэтов обратился к своеобразному "жанру" песен баянов или бардов на поле битвы. Языков, как подмечает Ю.М. Лотман, в отличие от своих предшественников, не боится брать эпохи порабощения и поражения русского народа, и это только увеличивает связь его "песен" с современностью, резче обозначает их агитационную направленность (стихотворения "Ротчеву" 1826 г. и "Бард на поле битвы" 1826-1828гг.)

О месте и роли Языкова в литературном движении своего времени

Как и другие поэты декабристского направления, он искал в истории поучительных примеров для современников. Отсюда в его поэзии широкая система своеобразных намеков, употребление слов-сигналов, вызывающих политические ассоциации (свобода, рабы, цепи, честь, отчизна и пр.), другими словами, ряд приемов характерных для вольнолюбивой лирики той эпохи. Однако было в этих стихах и что-то новое, свойственное ему одному... В частности, по стиховому темпу Языков не только резко отличался от поэтов XVIII века, но и занимает, образно говоря, первое место среди поэтов своего времени. Типичные для Языкова пропуски ритмических ударений на первой и третьей строфе четырехстопного ямба создают впечатление того страстного поэтического "захлеба", который поражал современников поэта:

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, -
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

В языковской громкозвучности, эффектности таилась и некоторая опасность: порой она отзывалась холодностью чувства, могла обернуться даже безвкусицей. Но таких срывов в первой половине 1820-х годов у Языкова практически нет, его охраняло глубокое и подлинное лирическое чувство. Строя период, Языков умело использует и старые, накопленные одой XVIII века средства. Он часто прибегает к риторическим вопросам, характерным одическим восклицаниям. Но в отличие от поэтов XVIII` века его мысль не развивается обстоятельно и плавно. Языков старается выговорить ее одним дыханием (очень част его период - это одно предложение), причем само развертывание мысли - это всегда нарастающее движение к кульминации. ("К Давыдову")

Немаловажны были заслуги Языкова и в обновлении образной системы и словаря высокой поэзии. В конце 1810-х - начале 1820-х годов в гражданской лирике, в пределах определенных устойчивых стилей дает себя знать та же тенденция к омертвлению поэтического словаря. Одни и те же слова и образы, переходящие от поэта к поэту, из стихотворения в стихотворение, призванные вызывать один и тот же привычный круг ассоциаций, - в какой-то мере утрачивали свое предметное значение, а, значит, и выразительность. По мере дальнейшего развития романтизма происходит разрушение устойчивых стилей.

У Языкова это стало явлением характернейшим и принципиальным. Он сознательно и постоянно заботился об обновлении поэтического словаря,

добиваясь особой весомости образа и слова. Впечатления поэтической свежести Языков достигает в основном двумя путями.

Наиболее популярный заключается в оживлении омертвевшего словаря высокой поэзии, в возвращении словам их живого, конкретного значения. Это явление можно наблюдать у Языкова хотя бы на примере "Рока" - одного из его ранних стихотворений:

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вот кинжал в руке окровавленной
И пламень Тартара в очах!
Увы! Сия рука не знает состраданья,
Не знает промаха удар!

Этот способ оживления, конечно, принадлежит не одному Языкову. Он был открыт для русской поэзии еще стихами Державина...
Но главная заслуга Языкова была в том, что в его творчестве мысль и чувство гражданина обрели правдивое выражение. Конечно, здесь главенствующая роль принадлежит Пушкину и Грибоедову, однако Языков сделал немаловажный и совершенно особенный вклад в решение этой задачи. Белинский видел историческую заслугу Языкова только в том, что его оригинальные стихотворения "дали возможность каждому писать не так, как все пишут, а как он способен писать, следственно, каждому дали возможность быть сами собой в своих сочинениях".

В 1823 году был написан цикл застольных песен Языкова, в которых муза его, как писал он братьям, появляется в "бархатной шапке, с дубовою ветвию", то есть в студенческом одеянии.

Песни эти, как и многие другие произведения Языкова, не были напечатаны при его жизни.

Декабристская лирика

Среди современных ему поэтов Языков ближе всего стоял к Денису Давыдову. Их роднило многое: биографизм, колоритность изображаемой сферы (у Давыдова гусарской, у Языкова - студенческой, "бурсацкой"), быстрый стиховой темп.
Но за внешне сходными поэтическими чертами у Давыдова и Языкова стоит разное содержание. Один воспевает и славит такие человеческие качества, как простодушие, прямота, мужество, преданность отечеству; другой поэтизирует, прежде всего, высокое наслаждение гражданской свободой. Центральное место среди студенческих произведений Языкова должно отвести его песням, в которых наиболее ярко проявились лучшее черты его вольнолюбивой поэзии.

В общем потоке декабристской лирики эти песни Языкова отличаются не столько глубиной и силой политической мысли (в этом отношении они, как и другие его стихотворения не представляют собой ничего исключительного), сколько политической дерзостью, своеобразным вызовом самодержавию.

Их достоинство и особенность составляет упоение независимой жизнью, возможностью свободно мыслить и жить. В этом был пафос студенческой лирики Языкова и особая заслуга его перед русской и, в частности, перед декабристской поэзией.

Песни Языкова возникли в русской литературе, разумеется, не на пустом месте. Им предшествовали и сопутствовали, кроме гусарских стихов Дениса Давыдова, русская "анакреонтика", лицейская лирика Пушкина и стихи поэтов-декабристов, воспевавших дружеские пиры. Не бесследно прошли для формирования языковской поэзии также застольные песни Гете и Шиллера, широко распространенные в Дерптском университете, и немецкие студенческие песни, распевавшиеся на комерсах - корпорационных пирушках.

При всем том Языков нашел в песнях свой тон, свой характерный колорит. Его песни отличаются живой бытовой окраской. Он создает конкретный образ русского студента в Дерпте, человека, ускользнувшего на время от бдительного полицейского надзора, от близости к русскому самодержавию, наслаждающегося своим вольным житьем:

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум - не раб чужих умов,
И наши чувства благородны...

Острый политический намек, вольная шутка отличает его песни от произведений его предшественников, отвлеченно славящих дружбу, юность, свободу и вино, горячее сердце и головы:

Наш Август смотрит сентябрем -
Нам до него какое дело...

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад...

" У меня пьянство свое, - писал Языков, - оно, так сказать, mare clausum <замкнутое море> моей поэзии". Пушкин и Гоголь сравнивали поэзию Языкова с хмелем. "Человек с обыкновенными силами, - говорил Пушкин, - ничего не сделает подобного. Тут потребно буйство сил". "Буйство" стихотворений Языкова как нельзя лучше передавало опьяняющее чувство легкости, смелости, свободы, владеющее его лирическим героем. Песни были зерном созданного Языковым образа поэта-студента, который, однако, по своему общественному содержанию не может быть полностью сведен к их дерзкому, но несколько поверхностному вольнолюбию. В формировании этого образа, расширяя и углубляя его, принимали участие также и такие стихотворения Языкова , как "Муза", "Поэт свободен. Что награда...", в которых Языков говорит о независимости поэта и торжестве свободного искусства над "разнузданной силой" тирании; и типично декабристские, с уроком для современности, произведения его на историческую тему - "Евпатий", "Новгородская песнь", примыкающие к его песням бардов и баянов; и горькие политические элегии Языкова. Сюда причастны также интимная лирика поэта и его дружеские послания.

Любовные стихотворения Языкова

Любовные стихотворения Языкова в 1820-е годы, почти все связанные с именем А.А. Войековой, большей частью окрашены чувством досады и

разочарования. "Божество" поэта, его "рай", "звезда", указавшая ему путь вдохновений и пробудившая в нем "любви чарующую силу", оказывается далеко не идеальной, а сама любовь - несерьезным увлечением.

По форме эти стихотворения привлекают внимание своей поэтической смелостью. С трудом они могут быть названы элегиями, этот жанр в творчестве Языкова оказался сильно разрушенным. Наполненный новым содержанием, он почти совершенно (исключение составляют политические элегии) утратил черты высокого стиля. Более того, большей частью элегия выступает у Языкова как жанр "низкий". Просторечия, нарочитая небрежность языка, смелые поэтические сравнения - все это встречается у Языкова более чем где-нибудь именно в элегиях. Смысл и стилистический эффект этих стихотворений обычно сосредоточены ближе к концу, в последних строфах. В первых же частях ироничный тон едва заметен.

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную межу
В эдем подлунный и чужой.
Во мне уснула жажда неги.
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал -
И я десятка два элегий
Ему во славу написал.

Но внезапно вторгающийся смелый оборот (в данном случае просторечное "с десятка два") подготавливает иронический поворот концовки.

Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

Как правило, в этих концовках Языков прибегает к изысканно дерзким, бытовым и часто "низким" сравнениям:

И как сибирская пищуха
Моя поэзия поет.
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
...Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки...

Языковские дружеские послания

Языковские дружеские послания первой половины 1820-х годов развивают темы его вольных песен, но по сравнению с этими песнями в них более отчетливо звучит мотив благородного служения родине: независимая

свободная жизнь готовит молодые сердца к подвигам "чести и добра", учит их не унижаться перед самовластьем и не считать "закон царя" "законом судьбы".

К середине 1820-х годов, времени расцвета дарования Языкова относится его известный пушкинский "цикл" - "Тригорское", послания к Пушкину, няне Пушкина...

Языков встретился с Пушкиным летом 1826 года, приехав для этого в Тригорское, имение своего дерптского приятеля А.Н. Вульфа. Инициатива знакомства принадлежала Пушкину, который первым обратился к Языкову посланием ("Издревле сладостный союз...") и пригласил его приехать.
В этих стихотворениях встреча с Пушкиным, очаровавшим Языкова талантом, умом, свободолюбием, предстает как некий пир в честь вольности и вдохновения. Все обстоятельства и подробности этой встречи окрашиваются в соответствующие тона.

Тригорское - это страна,
...где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли, -
это
Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой.

Пушкин для Языкова "вольномыслящий поэт, наследник мудрости Вольтера". Беседуя, поэты летают "мыслью вдохновенной" в "былых и будущих веках"...Даже Волга - родина Языкова, так часто им воспеваемая, первый и единственный раз становится в этих стихах "рекой, где Разин воевал". В споре Пушкина с самодержавием Языков решительно и демонстративно принимает сторону поэта:

Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, -
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою! ("А.С. Пушкину")

В стихотворениях пушкинского "цикла", во многих отношениях являющихся вершиной поэтических достижений Языкова, он показал себя и мастером пейзажной лирики.

В творчестве Языкова первого периода почти нет просто описательных, пейзажных произведений (исключение составляет стихотворение "Две картины", но и оно по замыслу часть поэмы). Однако встречающиеся у него в

это время изображения природы значительны, интересны и до сих пор сохраняют силу своего воздействия.

Очевидно, что в описательной поэзии Языков, как и Рылеев, во многом был учеником Пушкина, но, несомненно, и его поэтическое своеобразие. Оно сказывается, прежде всего, в самом подходе к изображению природы. Языков рисует не просто виды, пейзажи, картины - он рисует явления природы. Что бы он ни изображал - бурю ли и грозу или свежее утро, лунную ночь, томительно жаркий день - это именно явления природы, о которых поэт говорит торжественным, "ломоносовским", "державинским" языком, добиваясь при помощи смелых поэтических образов свежести, реальности этих величественных картин:

Бывало, в царственном покое
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают,
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла...

Характерно, что языковские картины природы всегда даны в движении, в процессе перехода из одного состояния в другое, они совершаются, как и подобает природным явлениям. Сверкающие утро на озере сменяется душной ночью ("Две картины"), душный день - ночной грозой, причем сама гроза собирается медленно, постепенно приближаясь и нарастая, и наконец разражается громом, ливнем, молнией ("Тригорское").

После декабря 1825 года вольнолюбивый пафос стихотворений Языкова заметно ослабевает. Его стихотворения и переписка 1826 года свидетельствует еще о верности прежним настроениям, о негодовании, которое пробуждают в нем репрессии правительства, жестокость и лицемерие...

В стихотворениях 1827 года того же пушкинского "цикла" Языков говорит уже главным образом "сельской", "милой и безгрешной" свободе, о вражде и презрении Пушкина уже не столько к самодержавию, сколько к "ласкам" и "изменам" людским. Теперь его восхищение пылкими беседами о свободе в "былых и будущих веках" сменяется умилением патриархальной стороной, оживающей в "пленительном рассказе" Арины Родионовны про "стародавних бар" "почтенные проказы".

Очень показателен для новых настроений Языкова цикл студенческих песен 1829 года. Нет уже здесь ни политических намеков, ни смелых шуток. Свобода теперь понимается как свобода студента-гуляки, которому

"разгульные красотки" и вино полностью заменяют "Волхов, Тибр и Иппокрену" (то есть вольность и вдохновение).

Большое место начинают занимать у Языкова (снова, как и в начале 1820-х годов) интимные дружеские послания и любовные элегии. Преобладающее содержание этих, очень похожих друг на друга посланий, - затянувшееся прощание с Дерптом, воспоминание о веселой и вольно протекшей юности, жалобы на оскудевшее вдохновение. По форме - это все напутствия друзьям, выходящим на самостоятельную жизненную дорогу. Поскольку из творчества Языкова постепенно уходит большое общественное содержание, интимная тема становится в нем особенно заметной. Это сознает и сам Языков. "Все переменилось, - жалуется он в 1830-ом году своему дерптскому товарищу, - жизнь и поэзия моя!":

Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!

Восторг в его стихах это теперь по большей части упоение любви, само вино - образ любовного хмеля.

В эти же годы появляются в стихотворениях Языкова библейские мотивы и образы, предвещающие такие его стихотворения 1840-х годов, как "Сампсон" и "Землетрясенье". (Сампсон, он же Самсон - древнееврейский герой, отличавшийся огромной силой, секрет которой заключался в его волосах.) Раньше поэт Языкова - это или баян, традиционный в декабристской литературе певец-воин, поющий славу героям и пламенной любви к свободе, или независимый, свободный гений, для "торжественных трудов" которого не может служить наградой "милость царственного взгляда" и "восхищение рабов". Теперь же миссия поэта представляется ему высоким, "избранническим" служением мудрости и добру. Поэт призван смягчать своим пением равно и муки раба и жестокость "венчанного произвола".

Второй период творчества

Во второй период творчества Языков, развиваясь в направлении, предуказанном русской поэзии Пушкиным, отказывается от образа поэта-студента. И не только потому, что он покинул Дерпт и университет. Основная причина в том, что образ этот, утратив после декабря 1825 года

наиболее значительные и привлекательные черты, а с ними прогрессивный общественный смысл, изжил себя.

Первые попытки Языкова создать эпическое произведение относятся еще к 1820-м годам. Правда, в это время Языкову так и не удалось написать романтической поэмы, ни даже наметить в этой области что-либо существенно новое.

Языков, претендовавший на одно из первых мест в литературе, очень ревниво относившийся не только к успехам поэтов пушкинского окружения, но и к славе самого Пушкина, живо ощущал необходимость выступить с поэмой. Первая его проба в этом роде датируется 1823-1824 годами, временем, когда Языков узнает о "Братьях-разбойниках" и других поэмах Пушкина, а позже увидел печатное издание "Бахчисарайского фонтана".

Причем надо сказать, что побуждение написать поэму было у Языкова тем сильней, что известные ему пушкинские поэмы ему совершенно не нравились. Прочтя в списках"Бахчисарайский фонтан", он утверждал, что "эта поэма едва ли не самая худшая из всех его<Пушкина> прежних", что стихи ее "вялы, невыразительны и даже не так гладки, как в прочих его стихотворениях". И хотя он изменил мнение, познакомившись с печатным изданием поэмы, однако и тогда высказывает сожаление, что "Пушкин мало или, лучше сказать, совсем не заботится о планах и характерах и приводит много положений, с его точки зрения ненужных и лишних".

Ливонская тема

Одной из самых популярных тем в 1820-е годы была так называемая ливонская тема. Как показывают исследования, интерес к жизни прибалтийских стран, в частности к Ливонии, был характерен для многих поэтов декабристского круга. "Отсутствующий в русской старине мир рыцарского средневековья, - пишет С.Г. Исаков, - был найден в Ливонии,

составной части Российской империи.. Феодальная пора Ливонии оказалась тем долгожданным отечественным рыцарским средневековьем, о котором мечтали романтики". Именно в таком плане Ливония привлекала Языкова. Быт и нравы орденской Ливонии, русско-ливонские войны (особенно эпоха Ивана Грозного и взятие Вендена), Петр в Ливонии и Паткуль - вот излюбленные мотивы произведений на ливонскую тему в 1820-е - 1830-е годы. И почти всем им отдал дань Языков.

В 1824 году им было написано стихотворение "Ливония", которое представляло собой вступление к одной из задуманных им ливонских поэм (вероятнее всего, к "Меченосцу Арану"), затем начало поэмы "Ала" и приписка к ней. В 1825 году Языков оставляет "Алу" для написания новой поэмы - "Меченосец Аран".

Ливонские поэмы, как и начатая во время летней поездки в Симбирск поэма о волжских разбойниках, не были завершены. От них остались лишь лирические вступления, зачины, пейзажные фрагменты. Кроме сцены боя в "Меченосце Аране" Языкову не удалось создать ни одной сцены, ни одной (не пейзажной) картины. И хотя он ссылается на отсутствие специальных знаний, мешающее ему закончить поэмы, главной причиной их незавершенности все же является нечто другое.

Во-первых, это объясняется явным преобладанием у Языкова лирического дара над эпическим. Он не владеет повествовательной интонацией. Во-вторых, пытаясь создать романтическую поэму. Языков отталкивается от Пушкина и идет по уже исхоженному и потому не плодотворному пути.

Языков, не понявший и не принявший принципиальной новизны пушкинских поэм, пытается противопоставить в пределах романтизма свой путь, что практически привело его, если судить по первой части "Арана" к следованию русской так называемой байронической традиции.
В частности, упомянул Байрона Александр Сергеевич Грибоедов, прочтя первую песнь "Меченосца Арана", чем вызвал недовольство Языкова. И именно эти замечания заставили поэта задуматься об изменении плана поэмы...
Но только в последующие 1830-1840-е годы Языкову удалось овладеть повествовательностью и создать ряд законченных эпических произведений. В этот же период намечается в творчестве Языкова и выход за пределы романтического стиля.

Москва

Языков оставил Дерпт в 1829 году. Приехав в Москву, он поселился в доме Елагиных - Киреевских, родственников его дерптского приятеля Петерсона. Завязавшаяся в ту пору дружба с этой семьей длилась потом всю жизнь Языкова и имела для него большое значение.
Первый год, живя в Москве, Языков предполагал сдать экзамен за университет, но вскоре обнаружилось, что у него недостает для этого

необходимых документов и достать их теперь невозможно. Поэтому для получения чина Языков в 1831 году поступил в Межевую канцелярию, где до него числились еще два поэта - Вяземский и Баратынский.

Писал он в это время очень много и с новым вдохновением. В кругу Киреевских Языкова воспринимали восторженно, и это несомненно способствовало продуктивности его поэтической деятельности. Печатался Языков в "литературной газете", "Московском вестнике", альманахе "Денница" Максимовмче, в "Европейце" Киреевского.

В 1833 году вышла первая книга стихов Языкова. Появление ее было фактом, значительным не только в биографии Языкова, но и в истории русской поэзии, хотя половина написанного к этому времени Языковым осталась за пределами книги, в том числе лучшие его песни и вообще почти все произведения, вольные в политическом и религиозном отношении (книга к тому же пострадала от цензуры). На этот сборник пришло множество отзывов, среди которых были отзывы Полевого и Киреевского.
В том же году вышедший в отставку Языков уехал к себе в Симбирскую губернию, где жил вплоть до 1838 года, лишь изредка наезжая в Москву. Писал он в это время немного; наиболее значительны из этого периода сказки и "Послание к Денису Давыдову".

Еще в Дерпте появились у Языкова признаки тяжелой болезни, напомнившей ему о себе и в Москве. Языков надеялся отдохнуть и полечиться в деревне, однако здоровье его все ухудшалось, и в августе 1838 года он, по совету врачей, вынужден был отправиться за границу. Там, переезжая с курорта на курорт, Языков провел пять лет; он был в Мариенбаде, Ганау, Гастейне, Ницце и многих других местах; за границей же познакомился и подружился он с Гоголем, они вместе путешествуют по Италии, вместе проводят зиму 1842-1843 года в Риме.
Тоска по родине и видимая бесполезность дальнейшего пребывания за границе заставили Языкова в 1843 году, в момент временного улучшения здоровья вернуться домой, в Москву.

На 1830-е - 1840-е годы падает менее трети поэтического наследия Языкова, но стихи этой поры важны в его идейной и художественной эволюции. В целом время московской и заграничной жизни поэта - период известного падения его таланта. Он утрачивает свой пафос, "свет любви", по выражению Гоголя, с потерей которого "примеркнул и свет его поэзии". Эту утрату не могут возместить даже некоторые творческие завоевания Языкова, к числу которых следует отнести прежде всего овладение эпическим стилем. "Заметил ли ты, что я стал объективней?" - писал Языков А.Н. Вульфу в марте 1836 года.

Первыми законченными произведениями его в повествовательном роде были "Сказка о пастухе и диком вепре" (1835) и драматическая сказка "Жар-птица" (между 1836 и 1838). Этими произведениями Языков принял участие в "сказочном" состязании между Жуковским и Пушкиным, начавшимся еще в 1831 году.

Романтику Языкову был чужд реализм Пушкина. Пушкинские произведения 1820-х - начала 1830-х годов кажутся ему прозаическими. Например, о "Полтаве" он говорил, что " в сей...поэме слишком видное стремление Пушкина описывать и выражаться как можно проще часто вредит поэзии и вводит его в прозу". Лишенным поэзии он считал и "Евгения Онегина", и пушкинские сказки. Выступая против реалистичной народности пушкинских сказок, Языков и Баратынский обвиняли Пушкина в том, что он в угоду громко звучащему в те годы требованию народности перелагает в стихи известны фольклорные материалы, не возводя их в "перл создания": Грех не велик, да не велик и труд!

И Языков пишет "Сказку о пастухе и диком вепре", пародирующую пушкинскую простоту рассказа и действительно (кроме вступления) являющуюся очень близким воспроизведением сказки из сборника "Дедушкины прогулки". Саму сказку он выбирает "попроще", якобы для того, чтобы дать простор фантазии, на самом же деле, вероятно, потому, что из всех сказок она наиболее оголена и упрощена по сюжету, незамысловата почти до глупости и может, таким образом, прекрасно демонстрировать неправоту Пушкина, якобы отказывающегося от литературного преобразования народной поэзии.

Подчеркивая упрощенность сюжета, Языков не стремится его развивать, строго придерживаясь оригинала.

Языкову не удалось по-настоящему выйти за пределы романтизма в драматических сценах "Встреча Нового года" (1840) и "Странный случай" (1846), в которых поэт делает попытку изобразить современную ему дворянскую молодежь. Хотя сцены эти и имеют некоторую биографическую основу (Кубенской и Власьев - образы, близкие самому Языкову), а в тексте их рассыпаны названия книг и имена авторов, любимых и популярных в определенных кругах московской интеллигенции, - живых, современных произведений из них у Языкова не получилось.

И только в поэме "Сержант Сурмин" и в сатирической стихотворной повести "Липы" наметился в эпических произведениях Языкова новый метод изображения действительности. Языкова, как Пушкина в 1820-х - начале 1830-х годов, начинают увлекать характеры и обстоятельства, порожденные определенной средой. Появление в творчестве поэта стихотворных повестей - факт типичный для эпохи 1840-х годов.

Языков остался в стороне от основной направленности этих повестей: ему чуждо горячее сочувствие судьбе "маленького человека".

Новое, и притом положительно новое, появляется в 1840-е годы и в лучших лирических произведениях Языкова. Искренность и простота выражения составляют своеобразие и прелесть таких его стихотворений, как "Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...", "Толпа ли девочек, крикливая, живая..", "Поденщик, тяжело навьюченный дровами..."
Эти стихотворения проникнуты подлинным и лишенным социальной окраски чувством. Тоска больного человека на чужбине, его томление переданы

правдиво и сильно, в смело почерпнутых из "низкой" действительности образах.

Закат творчества

Во всех лучших произведениях Языкова приобретенная им простота и обыденность интонации никогда не выглядит отсутствием вдохновения, как во многих посланиях Языкова этого времени, например, к Каролине Павловой (1840, 1841, 1844), Вяземскому, Елагину (1841), Погодину или Иноземцеву (1844).

Эти послания, как правило, очень слабы художественно. Вообще же поздние послания поэта демонстрируют главным образом его поэтические утраты. Исчезает энергия стиха и характерный языковский "восторг", исчезает точность выражения, появляются выражения фальшивые, намеренно хвастливые, простонародные. Вкус начал изменять Языкову...

Когда-то Языков шел в одном ряду с Пушкиным, вместе с ним разрушал своей поэтической смелостью отживающие каноны XVIII века, теперь его

стихи зачастую перекликаются своей безвкусицей, хотя, возможно, это громко сказано, со стихами, например, Бенедиктова. В языковом отношении Языков наравне с теми поэтами, которые отказывались от нормализации поэтического языка и от подлинно народных источников его пополняя, обращаясь преимущественно к бытовому просторечию - интеллигентному и мещанскому.

Участие Языкова в этом "вавилонском столпотворении", по выражению Вяземского, конечно, нельзя объяснить только одной потерей пафоса его поэзии. На талант Языкова губительно действовало то новое направление, которое приобретает его поэзия в 1840-х годах.

Славянофилы и "западники"

Из-за границы Языков вернулся в Москву в самый разгар боев между славянофилами и "западниками". Его окружение, симпатии и даже родственные связи в эту пору были уже целиком славянофильскими. Тесная дружба связывала его с братьями Киреевскими, с Хомяковым. Его брат, Петр Языков, также разделял взгляды этого кружка. "Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, - говорит об этом времени Герцен, - а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у Елагиной". По вторникам сходились у Языкова, но вскоре борьба славянофилов и "западников" приняла настолько ожесточенный характер, что связи между двумя "лагерями" оборвались.

В 1844-1846 годах были написаны полемические послания Языкова с грубыми выпадами против Белинского, Герцена, Грановского, в которых

прогрессивный лагерь обвинялся в умственном разврате и измене русскому народу. Языков не брезговал даже прямой бранью в адрес "западников". Ему отвечали статьями Белинский и Герцен.

Одновременно в более высоком и отвлеченном роде, в стихах, посвященных назначению поэта и поэзии, он утверждал, что поэт "в годину страха и колебания земли" призван указывать путь спасения в вере ("Землетрясенье"), и призывал мстить безбожным "филистимлянам" ("Сампсон").

Во всех этих произведениях звучали крайнее ожесточение, даже озлобленность. И единомышленники не всегда полностью сочувствовали крайности суждений Языкова и резкости его выражений. Что же касается "западников", то для них Языков становится идейным врагом.

В это же время были изданы две последние книги поэта: "56 стихотворений Н. Языкова" (1844) и "Новые стихотворения" (1845). И хотя полемические стихи не вошли в эти сборники, они сыграли роковую роль в окончательном падении репутации поэта в глазах представителей революционно-демократических общественных кругов 1840-х годов.

В статьях Белинского первой половины 1840-х годов постоянно и неодобрительно упоминается имя Языкова; когда же вышли "56 стихотворений", Белинский в статье "Русская литература в 1844 году" выступил с развернутой характеристикой идейного и художественного значения его творчества. Критик рассматривал не только последние произведения Языкова, но и сборник 1833 года, справедливо обнаруживая уже там некоторые идейные и художественные залоги будущей деградации поэта. Приговор Белинского был слишком суров, - он безусловно справедлив лишь по отношению к последнему периоду творчества Языкова.

Не отрицая его таланта, Белинский прежде всего останавливался на слабых сторонах его творчества, особенно проявившиеся в 1830 - 1840-е. Исторической заслугой Языкова он считает лишь поэтическую смелость, которая помогала русской поэзии освободиться от риторики, сентиментального жеманства, подражательности. Недостатки же видит в неряшливости языка, выдаваемой за оригинальность. Вопрос о языке, будучи не самым маловажным, перерастал в вопрос о ценности содержания поэзии Языкова...

Языков, впрочем, и сам сознавал глубокое неблагополучие своей поэтической судьбы. В 1842 году, пока "озлобление" против "западников" еще не затемнило окончательно его зрения, он писал брату по поводу статьи Белинского: «Белинский едва ли не прав в рассуждении меня!» Я сам чувствую, что я уже далеко не тот, каков был прежде некогда, - и еще дальше не тот, каким бы я должен быть в мои теперешние годы..."

К счастью для Языкова, никто, даже он сам, не мог зачеркнуть сделанного им в 1820-е годы. Лучшие его произведения прочно вошли в историю русской литературы и общественной жизни. Его песни и положенные на музыку стихи на протяжение целого столетия пелись демократической и революционно настроенной молодежью. Они

распространялись часто безымянно, как подлинно народные произведения, и новые поколения вносилив эти песни свои изменения, приспосабливая их к нуждам освободительной борьбы своего времени. Большой популярностью пользовались в той же среде его "Муза", "Подражание псалму", политические элегии (некоторые приписывались Рылееву). Все эти произведения наряду с такими стихотворениями, как "Две картины", "Тригорское", "Молитва", послание к Давыдову ("Жизни баловень счастливый..."), принадлежат к золотому фонду нашей классической лирики.

Русской поэзией были усвоены и формальные достижения Языкова, сыгравшего заметную роль в развитии лирического стиха, в формировании нового "высокого" стиля, в обогащении поэтического языка.
Лучшее в творческом наследии Языкова и сейчас сохраняет свое живое значение. Энергии и блеску стиха, прекрасному владению песенными ритмами можно учиться у Языкова и в наши дни.

Заключение

Языков, несомненно, выдающаяся личность. Он возвысил не только Симбирск, но и Россию в целом. Конечно, нельзя сравнивать творчество Языкова с творчеством Пушкина, ведь оно индивидуально и переливается в таких красках, каких порой не прочтешь ни в стихотворениях Пушкина, ни Лермонтова.

Мы должны сохранить память о нем и передавать его творческое наследие из поколения в поколение!

Библиография

1. Трофимов Ж. А./ Поэт - симбирянин Николай Языков. – Ульяновск: Государственное унитарное предприятие «Областная типография «Печатный двор», 1998 г. – 21 л.; ил.
2. Трофимов Ж. А./ Симбирск литературный. – Ульяновск: Государственное унитарное предприятие «Областная типография «Печатный двор», 1999 г. – 352 с.; ил.
3. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб, 1887, с. 76.
4. http://www.students.ru. Рефераты – жизнь и творчество Николая Языкова.

Приложение.

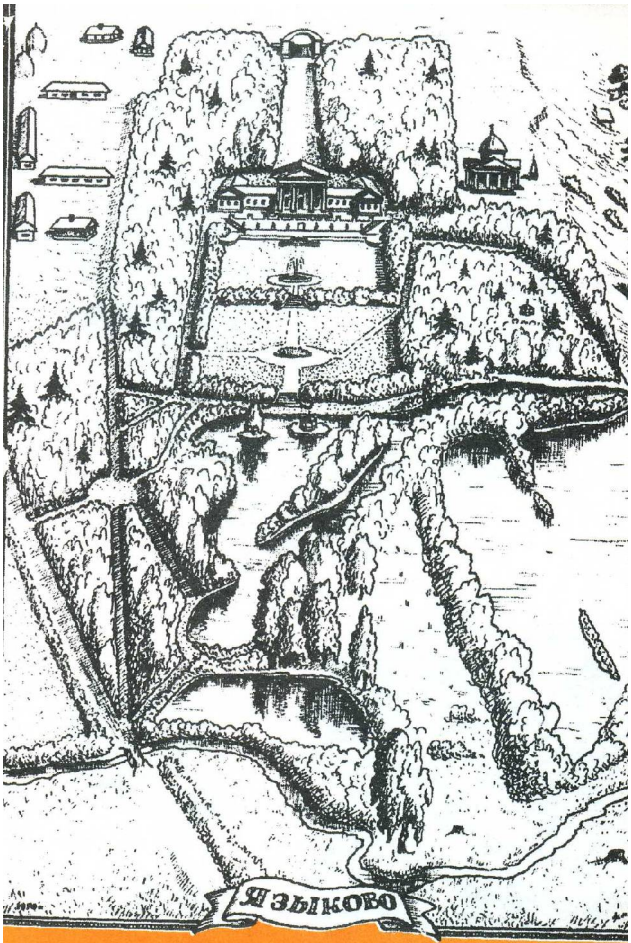
Рис.1.

Н. М. Языков

Рис.2.

Вид Симбирска 1765 года.
Рис. А. И. Свечина и М. И. Махаева

Рис.3.



План усадьбы Языковых.
Реконструкция А. Н. Блохинцева

Рис.4.

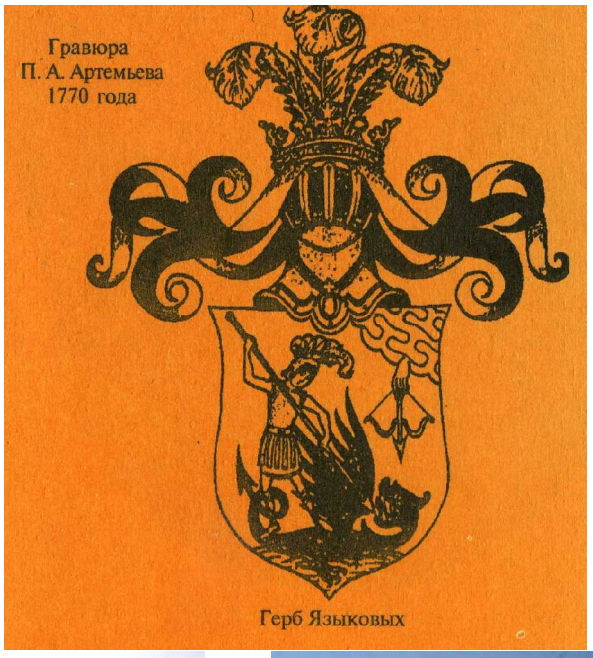


Рис.5.

Горный кадетский корпус